

Научная статья

УДК 343.98:94(47)

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.002

К вопросу о становлении судебной фотографии в российской империи в конце XIX – начале XX века: историко-правовой анализ

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ

Академия управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется процесс становления судебной фотографии в Российской империи в конце XIX – начале XX в. как самостоятельного инструмента уголовного судопроизводства. На основе впервые вводимой в научный оборот работы российского правоведа А. А. Громова «О судебной фотографии», созданной по лекциям профессора Лозаннского университета Р. А. Рейсса, а также материалов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Волгоградской области и опубликованных источников рассматриваются три основных направления применения фотографии в следственной и полицейской практике эпохи: фиксация обстановки места преступления, регистрация и идентификация преступников посредством системы Бертильона, фотографическая экспертиза документов. Особое внимание уделяется нормативным пробелам, препятствовавшим систематическому использованию фотографии в расследовании преступлений, а также ее фактическому применению в целях политической слежки в период революционных событий 1905–1908 гг. В заключение рассматривается связь исторически выявленных проблем с современным уголовно-процессуальным регулированием фотофиксации.

Ключевые слова: судебная фотография; криминалистика; Российская империя; система Бертильона; уголовное судопроизводство; история права; криминалистическая регистрация.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Епифанов А. Е. К вопросу о становлении судебной фотографии в Российской империи в конце XIX – начале XX века: историко-правовой анализ // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 17–23. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.002.

On the Establishment of Forensic Photography in the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Century: Historical and Legal Analysis

ALEKSANDR E. EPIFANOV

The Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru

Abstract. The article considers a process of the development of forensic photography in the Russian Empire in the late 19th – early 20th century as an independent tool of criminal proceedings. This article draws on A.A. Gromov's "On forensic photography" – a work compiled from lectures by University of Lausanne professor R.A. Reiss, and presented here for the first time in academic literature – in addition to archival records from the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Volgograd Oblast, and other published materials. It examines three main areas in which photography was used in investigative and police practice at the time: recording crime scenes, registering and identifying offenders using the Bertillon system, and conducting photographic examinations of documents. Special attention is paid to the regulatory gaps that hindered the systematic use of photography in crime investigation, as well as its actual use for political surveillance during the revolutionary events of 1905–1908. In conclusion, the connection between historically identified problems and the modern criminal procedural regulation of photographic documentation is traced.

Keywords: forensic photography; criminology; the Russian Empire; the Bertillon system; criminal proceedings; history of law; criminalistic registration.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Epifanov A.E. On the establishment of forensic photography in the Russian Empire in the late 19th – early 20th century: historical and legal analysis. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 17–23. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.002.

На рубеже XIX–XX столетий судебная фотография переживала в России период острых противоречий между нарастающим научным интересом к ее возможностям и глубокой нормативной неурегулированностью ее применения в следственной практике. Отечественная криминалистика нуждалась в систематическом осмыслении накопленного западноевропейского опыта, и эту задачу брали на себя авторы, стремившиеся популяризировать зарубежные достижения среди русских юристов. К числу таких источников, незаслуженно обойденных вниманием исследователей, относится работа А. А. Громова «О судебной фотографии», написанная по лекциям профессора Лозаннского университета Р. А. Рейсса.

В систематическом указателе А. Ф. Поворинского по 1904 г. приведено около 70 преимущественно мелких статей и газетных заметок по судебной фотографии и лишь единственная монография – труд Е. Ф. Буринского [1]. Работа же Громова, несмотря на очевидную научную ценность, не вошла в этот перечень и в последующей историографии как самостоятельный источник не рассматривалась [2]. Настоящая статья ставит своей целью ввести этот источник в научный оборот и на его основе в совокупности с материалами архивов и опубликованных источников воссоздать целостную картину становления судебной фотографии в Российской империи.

Историография судебной фотографии применительно к дореволюционной России сосредоточена прежде всего вокруг фигуры Евгения Федоровича Буринского (1849–1912) – «отца судебной фотографии», создателя первой в мире судебно-фотографической лаборатории при Санкт-Петербургском окружном суде (1889) [3]. Именно он разработал метод усиления контраста и цветоделения, впервые применив его в 1889 г. по делу Рокоссовского и Юнгерца. Эта экспертиза стала поворотным моментом в становлении отечественной криминалистики [4].

Параллельно в западноевропейской науке формировались собственные школы. В 1903 г. в Париже вышел труд Р. А. Рейсса «*La photographie judiciaire*» [5] – первое систематическое руководство по судебной фотографии в мировой науке. Рудольф Арчибальд Рейсс (1875–1929), доктор химии, профессор Лозаннского университета, стал одним из главных архитекторов европейской криминалистики: именно благодаря его усилиям Лозаннский университет в 1909 г. стал первым в мире учебным заведением, где будущие юристы получали диплом специалиста по научным методам расследования («*Diplôme de police scientifique*») [6].

Наряду с Рейссом ключевую роль в формировании теоретических основ судебной фотографии сыграл австрийский криминалист Ганс Гросс (1847–1915). В своем «Руководстве для судебных следователей», переведенном на русский язык уже в 1895–1896 гг., Гросс специально указал на возможность и желательность применения проекционных фотографических аппаратов для воспроизведения перед судом снимков, относящихся к исследуемому событию преступления [7]. Вместе с тем указанные труды рассматривались преимущественно сами по себе; работы российских правоведов, передававших западно-европейский опыт отечественной аудитории, систематического изучения до настоящего времени не получили.

Громов, излагая концепцию Рейсса, открывает свой обзор принципиальным тезисом: фотография является «автоматическим и беспристрастным описателем событий» и «искусственной памятью» человечества [2, с. 3]. Именно эти два свойства – объективность фиксации и долговременность сохранения – делали ее незаменимым инструментом уголовного судопроизводства. Применительно к работе на месте преступления это означало возможность запечатлеть общий вид помещения, положение трупа, следы борьбы, отпечатки пальцев, следы крови – иными словами, всю ту совокупность деталей, которую человеческое восприятие неизбежно упрощает, а память со временем искажает.

Принципиальное значение имел спор между Рейссом и Гроссом о стандарте качества снимка. Если Гросс допускал использование даже «плохого фотографического снимка с искаженной перспективой», которую возможно восстановить показаниями свидетелей, то Рейсс настаивал на ином: необходимы исключительно правильные снимки с точной перспективой, «ошибки в подобных случаях недопустимы» [2, с. 18]. Если следователь не мог обеспечить снимок надлежащего качества, он был обязан пригласить фотографа-специалиста. За этим спором стоял вопрос принципиального характера о доказательственном значении фотографического снимка в суде.

Практические возможности судебной фотографии выходили далеко за пределы традиционного места преступления. Громов приводит целый ряд красноречивых примеров из мировой практики. Случайно сделанный любительский фотографический снимок запечатлел момент нападения на Германского императора: безумная женщина бросила по направлению проезжавшего в ландо монарха массивную кирку. Кинематографический аппарат, наведенный в момент покушения на Президента Северо-Американских Соединенных Штатов Мак-Кинлея, позволил при внимательном изучении разглядеть лицо преступника и отследить его движения в толпе. При выборах в Венгрии в 1902 г. правильность избрания одного депутата оспаривалась на основании нескольких моментальных фотографических снимков, изображавших процесс выборов. На одном из них можно было различить, как

местный мировой судья лично препятствовал избирателям оппозиции подойти к избирательным ящикам.

Так как случаи разоблачения благодаря любительским снимкам бывали нередки, неоднократно возникала мысль о снабжении агентов полиции фотографическими аппаратами, чтобы они могли делать снимки во время уличных беспорядков, драк и иных противоправных действий: «таким образом можно было бы, лучше чем какими бы то ни было свидетельскими показаниями, установить зачинщиков или во всяком случае участников беспорядков» [2, с. 11]. Эта идея нашла практическое воплощение в Бостоне во время забастовки трамвайщиков: дирекция трамвайного общества поместила на каждом вагоне, выходившем из депо, по одному служащему с моментальным фотографическим аппаратом. Фотографам был отдан приказ снимать всякую толпу у вагонов и всякие попытки демонстраций, «эти снимки должны были заменить свидетелей при выяснении виновников беспорядков» [2, с. 12]. Впрочем, стачечники, по всей видимости, узнав о намерениях дирекции, держали себя совершенно спокойно. Этот эпизод наглядно иллюстрирует сдерживающий эффект самого присутствия фотоаппарата, не менее значимый, чем его доказательственная функция.

Особое место в становлении судебной фотографии занимала система Альфонса Бертильона (1853–1914) – так называемая сигналетическая фотография (*photographie signalétique*). Учрежденное им в 1882 г. в Париже антропометрическое бюро стало образцовым учреждением нового типа. Его оборудование было завершено к 1889 г., и уже в 1891 г. система Бертильона была введена в Швейцарии, в 1895–1897 гг. – в Германии, а затем последовательно распространилась по Австрии, Голландии, Румынии и ряду других государств [2]. Почти во всех немецких городах с населением свыше 50 тыс. человек появились соответствующие бюро.

Коллекция фотопортретов Департамента полиции МВД России, сформированная на базе материалов еще III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, наглядно показывает, как складывалась отечественная практика фотографической регистрации: сначала подозреваемых снимали в частных фотоателье, затем были организованы собственные ателье при губернских жандармских управлениях и охранных отделениях (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 3. Д. 2750 (Коллекция фотопортретов лиц, проходивших по делам полицейских учреждений, 1881–1917)). Тем не менее системная, единообразная регистрация по образцу бертильонажа в России запаздывала в сравнении с западноевропейскими государствами на полтора-два десятилетия.

Первые фотографии преступников изображали их неизменно в анфас, с руками, сложенными на коленях. Со временем были выработаны особые правила съемки: в 1892 г. австрийский министр юстиции первым издал специальные правила для фотографирования арестантов в тюрьмах [2]. Австрия опередила Россию в нормативном регулировании опознавательной съемки более чем на пятнадцать лет.

Параллельно развивалась дактилоскопия как альтернативный метод криминалистической регистрации. В России решение о ее введении было принято лишь в декабре 1906 г.: при Главном тюремном управлении Министерства юстиции учредили центральное дактилоскопическое бюро, а с 1908 г. дактилоскопическая регистрация стала обязательной и для полицейских участков. Иными словами, в период, когда А. А. Громов создавал свой обзор, Россия находилась в стадии перехода от антропометрической системы к дактилоскопической – перехода, который западноевропейские государства к тому времени в значительной мере уже завершили.

Третьим направлением применения судебной фотографии являлась экспертиза документов. К началу XX в., благодаря работам Бертильона в Париже, Иессериха в Берлине, Денштедта и Шенфа в Гамбурге, репутация данного метода установилась прочно [2]. В России наиболее значимые результаты в этой области были достигнуты Е. Ф. Буринским:

разработанные им методы цветоделения и усиления контраста позволяли выявлять скрытые тексты на документах, восстанавливать записи на истлевших кожаных грамотах XIV в., устанавливая подлоги подписей. В 1898 г. Академия наук присудила Буринскому премию имени М. В. Ломоносова за раскрытие текстов с помощью научной фотографии [4].

Громов фиксирует, что фотографировать письма и документы начали «тотчас вслед за тем, как дагерротипы были заменены отпечатками на чувствительной бумаге», однако фотографическая экспертиза документов в строгом смысле сложилась лишь в последней четверти XIX столетия [2]. Показательно, что единственной книгой в российской литературе, посвященной фотографической экспертизе документов, вплоть до 1904 г. оставался труд Буринского 1903 г. – красноречивый индикатор состояния отечественной науки.

Наряду с впечатляющими практическими достижениями судебной фотографии Громов с нескрываемой озабоченностью констатировал глубокую нормативную и организационную неурегулированность ее применения в российской следственной практике. Главным препятствием было отсутствие обязательного оснащения следователей фотографическим оборудованием. Рейсс настаивал на том, чтобы «каждая камера следователя была снабжена фотографическим аппаратом и необходимыми фотографическими приспособлениями» [2, с. 32], однако в реальности в большинстве уездных судебных округов это оставалось благим пожеланием.

Материалы Государственного архива Волгоградской области свидетельствуют о том, что в Царицынском уезде в 1890–1900-е гг. протоколы осмотра мест преступлений нередко ограничивались несколькими строками общего описания обстановки без каких-либо следов применения фотографии, без планов и без упоминания о технических средствах фиксации (Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 210. Оп. 2. Д. 47. Л. 13–14 об. (Царицынский окружной суд, протоколы осмотра мест преступлений, 1895–1904)). Провинциальная следственная практика разительно контрастировала с передовыми рекомендациями Рейсса и с опытом крупнейших городских полицейских управлений. В фондах Государственного архива Российской Федерации сохранились запросы губернских полицейских управлений о порядке приобретения фотографических аппаратов для нужд уголовного розыска (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 44. Д. 9. Л. 112 (Департамент полиции МВД, переписка о снабжении сыскных отделений фотографическими аппаратами, 1904)), что само по себе красноречиво свидетельствует о масштабах проблемы.

Не менее острой оставалась проблема квалификации. Среди следователей крайне редко встречались люди, способные самостоятельно выявить погрешности в снимках; «манипуляции с микрофотографическими аппаратами обыкновенно никому из них неизвестны» [2, с. 34]. В больших городских центрах вопрос о применении судебной фотографии решался проще, поскольку почти все начальники полиции располагали хорошо оборудованными лабораториями. Первые фотографические лаборатории при российских сыскных отделениях появились лишь в 1880–1890-е гг. и то исключительно в крупнейших городах – Санкт-Петербурге, Москве, Одессе [8]. Провинция оставалась лишена этого ресурса на протяжении еще долгого времени.

Особый историко-правовой интерес представляет использование фотографии в период революционного движения 1905–1908 гг. в России. Громов специально отмечает, что «снимки, сделанные с парадировавших боевых дружин, баррикад, похоронных процессий, носивших характер политических манифестаций», дали «богатый материал для установления зачинщиков и участников движения» [2, с. 14]. Это свидетельство обнажает принципиальную асимметрию в реальном применении судебной фотографии в России рубежа веков: если в западноевропейских государствах она развивалась преимущественно как инструмент общеуголовного расследования, то в Российской империи в кризисный период ее главной практической областью оказалась политическая слежка.

Эта специфика не случайна: именно Департамент полиции располагал ресурсами и организационными возможностями для систематической фотографической деятельности, тогда как сыскные отделения в большинстве губерний были лишены даже базового оборудования (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 44. Д. 9. Л. 112 (Департамент полиции МВД, переписка о снабжении сыскных отделений фотографическими аппаратами, 1904)). В фондах Департамента полиции МВД сохранились материалы о применении фотографии при наружном наблюдении, охватывающие период 1906–1907 гг., – прямое документальное свидетельство того, как фотография из инструмента криминалистики превращалась в инструмент политического сыска (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 260. Д. 17. Л. 34–35 (Департамент полиции МВД, материалы о применении фотографии при наружном наблюдении, 1906–1907)).

Важной вехой в преодолении описанных пробелов стали лекции Р. А. Рейсса, прочитанные чинам русского судебного ведомства в Лозанне летом 1911 г. Изданный под редакцией С. Н. Трегубова курс лекций «Научная техника расследования преступлений» (Санкт-Петербург, 1912) [9] стал одним из первых систематических руководств по криминалистике, получивших широкое распространение в России и прямо ставивших вопрос об обязательном фотографировании при производстве осмотра места преступления. Показательно, что между выходом книги Рейсса «*La photographie judiciaire*» в 1903 г. и ее фактической рецепцией в российском судебном ведомстве прошло почти десятилетие – срок, красноречиво свидетельствующий о глубине институционального разрыва между западноевропейской криминалистической наукой и отечественной практикой.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, к началу XX в. в России сложились необходимые научные предпосылки для систематического применения судебной фотографии: труды Е. Ф. Буринского, рецепция системы Бертильона, деятельность таких авторов-популяризаторов, как А. А. Громов. Однако нормативная база оставалась принципиально неполной: отсутствовали единые требования к качеству снимков, не был определен процессуальный статус фотографического материала как доказательства, не установлен круг лиц, обязанных обеспечивать фотосъемку.

Во-вторых, в отличие от ряда западноевропейских государств, где регламентация опознавательной съемки заключенных была введена ведомственными актами еще в 1892 г., в Российской империи этот процесс носил стихийный и неравномерный характер, в значительной мере определяясь личной инициативой конкретного следователя, а не системными требованиями закона.

В-третьих, фактическое применение судебной фотографии в России рубежа веков тяготело к политической слежке, а не к общеуголовному расследованию, что само по себе отражало специфику государственного устройства и правоприменительной практики Российской империи в кризисный период ее существования.

Проблемы, выявленные А. А. Громовым на рубеже XIX–XX вв., – нормативная неурегулированность применения технических средств фиксации, неопределенность процессуального статуса фотоснимка, отсутствие квалификационных требований к субъектам фотографирования – получили законодательное разрешение в советский и постсоветский периоды. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепил право применения фотографирования при производстве следственных действий (ст. 164 УПК РФ), определил порядок процессуального оформления фотоматериалов (ст. 166 УПК РФ) и установил статус фотографических снимков как иных документов – источников доказательств (ст. 84 УПК РФ). Тем самым был преодолен тот нормативный вакуум, который столь наглядно описан в источнике, впервые вводимом настоящей статьей в отечественный научный оборот, это свидетельствует о долгом и противоречивом пути судебной фотографии от эпизодического практического применения к полноценному правовому институту.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Поворинский А. Ф. Систематический указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству, гражданскому и уголовному / сост. А. Поворинский. Т. 1–2. СПб., 1896–1905. Т. 1 : XXV. 834 с.
2. Рейсс Р. А. О судебной фотографии (по лекциям проф. Лозан. ун-та Р. Рейсса) / [сост.] А. А. Громов. 1912. 52 с.
3. Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею : пособие для гг. судей, судеб. следователей, лиц прокурор. надзора, поверенных, защитников, судеб. врачей и граф. экспертов. СПб., 1903. 352 с.
4. Крылов И. Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Л., 1975. 188 с.
5. Reiss R. A. La photographie judiciaire. Paris, 1903. 232 p.
6. Винберг А. И. Роль учения Е. Ф. Буринского в формировании отечественной криминалистики. Волгоград, 1981. 62 с.
7. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908. 1040 с.
8. Колдаев В. М. Из истории практической криминалистики в России. М., 2005. 373 с.
9. Курс лекций, прочтенных в г. Лозанне профессором Рейссом чинам русского судебного ведомства летом 1911 г. / под ред. С. Н. Трегубова. СПб., 1912. 178 с.

REFERENCES

1. Povorinskii A.F. *Sistematicheskii ukazatel' russkoi literatury po sudoustroistvu i sudoproizvodstvu, grazhdanskomu i ugovnomu* [Systematic Index of Russian literature on judicial organization and procedure, civil and criminal proceedings]. St. Petersburg, 1896–1905. 834 p.
2. Reiss R.A. *O sudebnoi fotografii* [On forensic photography]. Comp. by Gromov A.A. 1912. 52 p.
3. Burinskii E.F. *Sudebnaya ekspertiza dokumentov, proizvodstvo ee i pol'zovanie eyu: posobie dlya gg. sudei, sudeb. sledovatelei, lits prokuror. nadzora, poverennykh, zashchitnikov, sudeb. vrachei-igraf. ekspertov* [Judicial examination of documents, its production and use: manual for judges, court investigators, prosecutors, attorneys, defenders, court doctors and court experts]. Saint Petersburg, 1903. 352 p.
4. Krylov I.F. *Ocherki istorii i kriminalistiki i kriminalisticheskoi ekspertizy* [Essays on the history of criminalistics and forensic examination]. Leningrad, 1975. 188 p.
5. Reiss R.A. *La photographie judiciaire*. Paris, 1903. 232 p.
6. Vinberg A.I. *Rol' ucheniya E.F. Burinskogo v formirovanii otechestvennoi kriminalistiki* [Role of E.F. Burinskii's doctrine in the formation of Russian criminalistics]. Volgograd, 1981. 62 p.
7. Gross H. *Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovatelei kak sistema kriminalistiki* [Manual for forensic investigators as a system of criminology]. Saint Peterburg, 1908. 1,040 p.
8. Koldaev V.M. *Iz istorii prakticheskoi kriminalistiki v Rossii* [From the history of practical criminalistics in Russia]. Moscow, 2005. 373 p.
9. *Kurslektsii, prochtennykh v g. Lozanne professorom Reissom chinam russkogo sudebnogo vedomstva letom 1911 g.* [Course of lectures delivered in Lausanne by Professor Reiss to officials of the Russian judicial department in the summer of 1911]. Ed. by Tregubov S.N. Saint Petersburg, 1912. 178 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории Академии управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru

ALEKSANDR E. EPIFANOV – Doctor of Sciences (Law), Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher at the Department for the Study of Historical Issues of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru

Статья поступила 30.06.2026